

Иван Бурдуков

ИЗГОЙ

Иван Бурдуков

Изгой

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Бурдуков И.

Изгой / И. Бурдуков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Длинное размышление, выполненное в виде "потока сознания". Параллельно основному сюжету, монотонному образу жизни, обстоятельств, заставляющих его выбраться из своей рутины, главный герой находит свои ответы на проблемы настоящего, а также оставляет некоторые вопросы без ответа. Чем дальше заходит повествование, тем отчётливей можно заметить, что жизнь главного героя походит на некий цикл, что всё предопределено, однако не фатумом, а действиями самого человека - что бы он совершил, какое бы решение не принял, как бы не поступил, в итоге он окажется там, где должен оказаться. Содержит нецензурную брань.

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...*

А. С. Пушкин
«Евгений Онегин»

ЧАСТЬ 1

1

Жизнь – игра, поэтому нужно играть по правилам, – мне это знакомо. Но я настроен жить по-другому. И живу так. Вообще я не азартен в игре под названием «Жизнь». Проблема не в риске или страхе проиграть всё – нет, проблема в том, что так необходимо жить, а необходимость меня не вдохновляет. В прошлом я, бывало, рисковал, и меня это воодушевляло – я получал право быть неким счастливым и считал себя особенным. Я считал, что так будет всегда и в будущем меня ждёт столько хорошего, что всё будет замечательно в любом случае. Приятно думать, что твоя судьба имеет в своей основе счастье, это чудесно и даёт полное право не напрягаться.

Предельно просто находиться в пространстве как бы подле своего тела, и наблюдать за тем, что с ним произойдёт. Случаев такого наблюдения предостаточно: это стало мейнстримом сегодняшнего общества. Упование на «высшие силы», на предопределённость событий, на судьбу, на предрешённый выбор, а поэтому и бессмысленность участия в собственной жизни – такого многие придерживаются. Многие – это не только суеверные или религиозные люди, или агностики, это и убеждённые скептики, по правде говоря, ненасытные лицемеры. Разумность к брошенным на жизненный путь посылам, ответственность за свою жизнь – это нечто спорное, спорное сегодня, во время поколения нынешних людей, – а если это спорное, то что же тогда истинное?

Я думаю, жизнь – это испытание. Испытание на понимание этой жизни. Я думаю, опыт важен и его так часто делают критерием мудрости, но всё-таки главный критерий – это способность применять этот опыт. Я знал сотню-другую людей, которых изрядно испытала жизнь. Они набрались опыта, но продолжали жить так, будто этот опыт не отложился в их голове. Да, такие люди обязаны быть мудрыми, но они – глупы.

В старости опыта предостаточно у всех, но назвать всех людей умными и мудрыми нельзя; есть множество глупцов преклонного возраста, и есть много молодых людей, которые умнее стариков. Вообще сравнивать людей по уму немного неправильно, если не учитывать индивидуальные особенности: философ и инженер будут умственно развиты по-своему, поэтому и мудры будут по-своему. Ум, как и опыт, нужно уметь применять, и именно способность применять, а это значит исследовать, анализировать, создавать – именно это по-настоящему различает людей.

Что касается опыта, то его у меня полным-полно. Моё прошлое было разным: хорошим и плохим, должным для развития и должным для упадничества. Хочу вернуться на несколько лет назад и рассказать одну историю, которая и дала мне должный опыт. Впрочем, в те годы я был другой и думал совсем о другом и по-другому.

Тогда я был юный, мятежный духом, вспыльчивый, совершал необдуманные поступки и ничего не брал в расчёт – мне было наплевать на многое. У меня не было авторитетов; и это самое страшное – оказаться одному со своей животной-человеческой сущностью без присмотра и без поддержки. Со временем это может убить или нанести невосполнимый вред окружающим и самому себе.

Начало века, начало тысячелетия, совсем молодая страна, и мы в это время были неопределёвшимися юнцами, которые хватались за что ни попадя. Мы поддавались своим животным

инстинктам как только могли и чувствовали себя счастливее прямо пропорционально от того как эта дикость в нас росла.

В то время я учился в университете и однажды был на волоске от отчисления, по причине того, что нарушил сразу почти все пункты устава. Учился я хорошо, поэтому у меня был шанс быть не тронутым, если что-то пойдёт не так. И вообще, мы с ребятами чертовски редко попадались на проступках. Всё выходило странно легко: учиться и развлекаться, – слишком странно, чисто с точки зрения законов жизни данного времени. Но, как я говорил, моя голова, оценки, капелька удачи и чуда спасли меня.

Дело было субботним вечером. Завтрашний день выходного изрядно искушал и подвигал на что-то совершенно безумное. Такое всегда происходило вечером и порой до самого утра, даже если весь день был абсолютно гнусным. Нам нужен был драйв, хоть мы уже неплохо выпили с моими соседями по комнате. Один из них был Гена. Гена с фамилией Булкин (не стоит называть его «булкой» – он от этого часто бесился). Я помню его человеком среднего роста, крепышом и самым выносливым из всей компании. Что бы мы ни делали, в какую ситуацию бы ни попадали, на этого парня всегда можно было положиться. Ещё он нравился девушкам – он реально был красивой наружности человек. Мы учились с ним в одной группе. В учёбе он от меня особо не отставал, но если я серьёзно налегал на учёбу, то он штурмовал гранит науки своей хитростью и способностью находить выход из любой ситуации – хорошее качество для жизни. Меня это, честно, напрягало – в этом вина моего неутомимого чувства справедливости. Вообще друг он был отличный. Второй мой компаньон – Максим Ерёмин. Он был высокий, немного полноватый и со смешным продолговатым лицом и маленьким ртом. Что касается его успехов в учёбе, то учился он неважно. Макс не был глупым, просто был дичайше ленивым. Его лень – это нечто особенное: утром его невозможно разбудить ни при каких обстоятельствах – он вставал только тогда, когда его организм насытится сном; по своей природе он являлся убеждённой совой – а поэтому ближе к вечеру энергия хлестала из него фонтаном. А ещё иногда он вовсе не ходил на занятия по причине «отсутствия вдохновения», – как он выражался. Я всегда считал, что он был нереализованным богатырём: при факте богатырского сна, роста и телосложения, в нём была именно истинная русская душа – я видел это в нём.

Втроём мы выпивали в комнате, что конечно не было разрешено, но в том и весь сок. Мы знали комендантшу общежития и все её передвижения поминутно, но в любую секунду она могла зайти под любым предлогом, хотя часто она заходила без объяснения. Страх был неким пассивным спутником, лично у меня. Этот страх закрывала пелена предвкушения блаженства и зависимости от животного счастья. Косвенно была зависимость и от этого страха, ведь если бы не было его, то тогда и не было бы полноценного предвкушения. Вспоминая это сейчас, я понимаю этот страх рационально и обдумываю все его стороны, и оттого становится по настоящему стыдно, не вникая на временной промежуток.

Мы смотрели какой-то новый боевик на кассетном видеопроигрывателе в однополом переводе. На самом деле фильм был скучный и бессмысленный, сюжетная линия хромала, но другого ничего не было, и мы просто были вынуждены это смотреть. Гене с Максом он приглянулся и вдохновил их на шуточную драку: они начали бросать друг друга, бегать по комнате, бороться. Я лишь наблюдал за ними и от души смеялся над их глупостями.

Помню, наш покой нарушил Витя – один из приятелей – он забежал и сказал, что у него есть хорошая вещь, которая скрасит наш вечер. В руках, в маленьком пакетице, у него была знакомая нам всем смесь, которая выглядела как сушёная трава. На деле эта трава – обычная ромашка – была пропитана одурманивающим веществом. Многие не брезговали употреблять эту траву. Тогда она только появилась в обороте и была редка среди наркотических средств (в ходу в основном был «план»). Самое интересное, что никто ничего не знал об этом веществе. Все знали, что это вредно, ведь это даже не марихуана, впрочем, всем было плевать.

Всем нравились интересы кайфа. Помню, я знал нескольких парней, которые нюхали бензин. Они не брезговали это делать и ловили легкодоступный кайф, сливая бензин из любой попавшейся машины. Они различали эффект бензина от марки, а марку от запаха – истинное пристрастие и природный гений. Я считал это бешеным кайфом, но попробовать никак не решился, хоть они и рассказывали о состоянии цветомузыки, изменении картинки в глазах и весёлой музыке в ушах, которая появлялась непонятно откуда. Вспоминаются и любители так называемого «собачьего кайфа», который называли ещё «бычьим кайфом», «собачьим сном» и ещё бог знает как, сейчас уже не всё припомню. Вкратце, тот самый «собачий кайф» – это умышленное удушье до состояния потери сознания. Глаза закатывались; иногда происходили судороги; кто-то вовсе падал и ударялся головой о пол, но боль как таковая отсутствовала. При достижении этого сна, люди получали блаженное состояние эйфории. В основном этим занимались школьники, которые не всегда имели доступ к наркотикам, и были случаи, когда всё заканчивалось смертельным исходом.

Эбола или бубонная чума несравнима с распространением и поражением кайфа. Желание кайфа заставляет людей терпеть боль, рисковать собственной свободой, денежным благополучием и жизнью. За лихорадкой и чумой никто не охотится, потому что у них нет должной рекламы. Если бы была реклама, типа: «сегодня Эбола принесла 21 смерть и 33 оргазма», – тогда отношение людей к ней поменялось. А если бы по федеральному каналу показывали как вдыхать Эболу, чтобы исчез насморк, то люди, по роковой случайности, распространили бы эту лихорадку по всему миру. Пропаганда и реклама шепчет на ухо потребителю как нужно себя вести, и что интересно, человек никогда не признает свою подверженность от влияния пропаганды; в большинстве случаев, потому что человек влияет от пропаганды неосознанно.

Мы начали проделывать стандартные приготовления по случаям такого рода. Все вчетвером мы расселись в туалете. Витя закурил сигарету и с прищуренным глазом, тряся пакетик в руках, сказал:

– Ребята, это мощная штука. Да вы и сами это скоро узнаете.

Он сделал все оставшиеся операции и протянул Гене готовую бутылку, в которой был дым молочного цвета. Гена вдохнул полные лёгкие вещества и выдохнул. На выдохе было заметно, как его лицо говорило о положении дел его сознания: глаза немного закатились вверх, веки припустились, мышцы лица абсолютно ослабли. Он был похож на слабоумного и чёрт знает, что творилось в его воспалённом мозгу. Вещество в один момент проникло в его мозг, через лёгкие, по крови, захватило всю нервную систему. Беспощадно.

– Как оно? – спросил Витя, не взглянув на Гену. Он одновременно продолжал повторные приготовления.

Гена не ответил. Его вид был вполне занятный: белки глаз покраснели, веки припухли, лицо поблекло и отупело. Он замер и смотрел в стену. Он видел какой-то свой, особенный мир, в который его вовлекло действие этого вещества. Как я говорил, Гена был среди нас самый выносливый и менее восприимчивый к любым веществам, но его это срубило и что будет с нами – это был особенный и актуальный вопрос. Я помню эти мысли как сейчас. А после, всё отрывочно и как в тумане.

Постепенно, все мы, по порядку очереди достигли этого состояния, невесть, что творилось у нас в головах, но мы все сидели в туалете с видом безмозглых зомби; Гена уже спал сидя. Такое состояние было ново для всех, даже при том, что эту траву мы курили и раньше.

Спустя минут двадцать, я был на грани сна и полусна, немного пробудился и осмотрел данное положение: Вити не было, остальные спали. Я пошёл в комнату, думая вслух, словно пациент психбольницы: «так, тихо-тихо, нужно найти кровать», – бред несусветный. В комнате не было никого, было тихо и темно; мои ресурсы кратковременного проявления сознания исчерпались и я лёг на кровать. Причём сейчас я абсолютно уверен, что уснул ещё тогда, когда подошёл к кровати, а не в момент, когда лёг на неё.

Я помню сны. Они были действительно впечатляющими и очень реальными. Особенно мне запомнился очень реальный момент, когда мне по лицу бил какой-то человек кулаком, но мягко, как будто приводил меня в чувства. Он бил меня прямо на моей кровати и говорил: «Я тебя, наконец, поймал!». Я не мог сделать вообще ничего – во сне я был под действием вещества. Лицо того человека я помню до сих пор. А после его действий он просто лёг рядом со мной и сказал: «Я полежу здесь и подожду, пока ты придёшь в себя», – и мы с ним уснули. Хотел бы отметить, что я потом долгое время не сомневался о реальности всего происходящего.

Наутро я проснулся. Было рано и так же темно, как когда я уснул. Голова раскалывалась, скорее всего, от алкоголя, и я чувствовал пульсацию в затылке – странное новое чувство. Я сразу же посмотрел на то место, где должен был лежать человек из моего сна и подумал вдруг: «Наверное, он ушёл. Станный какой-то тип». Уже потом я увидел комендантшу, которая стояла, с тенденцией у всех людей в таком положении – с руками в бока. Она смотрела прямо на меня, и я знал, о чём она думает; в комнате спал ещё Гена; Максима и Вити не было. Валялись бутылки из-под спиртного, чинарики, и я думаю, пахло очень скверно, правда я ничего не чувствовал. Странно для меня, что она ничего не сказала и просто ушла из комнаты. Всё равно мы уже были обречены, и потому она, как я подумал, лишь отсрочивала и насыщала дальнейшую расправу над нами.

Нужно сказать, что позже я узнал о том, что Витя серьёзно пострадал от злоупотребления этого вещества – он впал в летаргию. Витя не употреблял так часто, я его редко видел даже пьяным. В этот раз он серьёзно подверг испытанию свой непривыкший организм. Мы приехали к нему в больницу, он был словно труп – по-другому не скажешь. Витя пробыл в таком состоянии что-то около недели, как я сейчас помню. И с того момента он с виду был абсолютно таким же, но мне он показался каким-то больным, психически; прямо говоря, мне он показался опасным. Никто не знает наверняка, как его изменил наркотик и пребывание в летаргии.

Что касается нас, то как я уже сказал, нас пожалели. Это было несправедливо. Если честно, нас обязаны были отчислить или хотя бы выселить. Мы отделались строгим выговором. При всём положении дел мы не изменили свой образ жизни, совсем. Продолжали делать всё то же самое, просто стали осторожнее. Мы умели получать опыт, но использовали его не в разумных целях. Я могу сказать смело, и охарактеризовать нас одной фразой: извращенцы собственной личности, которые получали от этого удовольствие.

2

Прошло несколько лет. Я изменился. Не могу точно вспомнить тот самый переломный момент, который знаменовал начало настоящего периода моей жизни. Я стал другой и это всё-таки главное. Теперь ещё кучи моментов, хранящихся в чертогах моих воспоминаний, то и дело всплывают в сознании и заставляют пройти их по-новому.

Мой образ жизни уже добрую часть времени стабильно строг, возможно, мне всего лишь так кажется. Рабочие дни и неизменные монотонные порядки – неотъемлемая часть существования. Дом – работа – дом, – не очень занятная штука. Однако этого требует стимул выживания и существования.

Я работаю в строительной компании, где занимаю должность бухгалтера. Работа с документами – ни фантазии, ни права на творчество. Бумаги, бумаги, работа за компьютером, печать – вечная волокита. И что я понял во время своей работы – это то, что бюрократия убивает лет пять человеческой жизни рядового гражданина, причём в моём случае этот срок в разы больше. Бывает, что организм начинает роптать, протестовать против всего, что, кажется, вот-вот я возьму и сожгу все бумаги к чёртовой матери, поэтому приходится моментами пересиливать себя, чтобы не сорваться. Хоть реви иногда, но деваться некуда – работать надо, чтобы просто жить. Выживать.

Помимо стабильной рутины, я увлекаюсь писательством – так это я называю. Мне нравится писать. Поначалу я излагал свой поток мыслей на бумагу в беспорядочной последова-

тельности, и для меня было достаточно просто сохранить какую-либо мысль. Далее я начал подходить к написанию более прагматично. Я подумал, что необходимо создать монумент моей жизни, который оставит обо мне воспоминания, чуточку моей души, здесь, в живом мире. Я не хочу просто исчезнуть и раствориться в небытии – стать никем и чтобы все мои деяния на земле являлись бы типичным «проживанием жизни одного из людей».

Так проходит день за днём и за неимением альтернативы такая жизнь меня устраивает. Что касается депрессий от такой монотонной жизни – то это скорее миф, так как я опытным путём такового не чувствую. Возможно, так действует на меня моё увлечение: каким-то образом стимулирует мой психический иммунитет от болезней такого рода. Впрочем, бывало, я просыпался утром и уже ненавидел сегодняшней не наступивший вечер, из-за того, что именно вечером начинаешь задумываться об утре.

Мне неплохо живётся. Я много читаю и гуляю по дому. Иногда открываю все окна и ложусь на пол. Скучно – не то слово, однако это то слово. Таким образом, я стал замечать, что время, между концом рабочего дня и началом сна – это целая вечность. Если не смотреть телевизор (где пять минут настоящего времени равняется одной), не сидеть за компьютером, не пить – не делать обычные вещи, которые люди делают после работы, то замечаешь время. Замечаешь время вплоть до секунды. Замечаешь, как происходит эта секунда на часах. Кто-нибудь замечал? Она делает это плавно, в то же время решительно и профессионально.

У меня есть небольшая странность, которую я отчётливо осознаю, но избавляться от неё решительно не хочу – я не особо люблю контактировать с людьми. Конечно, приходится иметь дело с некоторыми людьми, вести диалоги, иногда и поддержать диалог, но это всего лишь моя маска и чистая сентиментальность – на самом деле я не такой. Может быть, поэтому я давно покинут всеми моими прежними друзьями и знакомыми. Хотя, порой случается, что я увижу мельком, обычно издали, знакомое лицо, с которым и было связано много воспоминаний, с которым возможно я дружил когда-то, однако тут же стараюсь отвернуть взгляд, чтобы не дай бог этот человек меня не заметил.

Да, бывает страх общения с людьми, которые меня раньше знали, я этого не скрываю. Он оправдан тем, что раньше я был другим. Те самые люди, которые прежде входили в мой круг общения, знают меня прежнего и теперь у нас с ними очень мало общего. Тогда я был безнравственным, и мне, и всем меня окружающим это нравилось; у меня был другой взгляд на жизнь, другие ценности, мораль, другие желания. Я ненавижу себя прошлого, по причине того, что я коренным образом пересмотрел свои взгляды, так сказать, созрел для иных вещей. Однако, я рад, что был тем человеком, иначе я бы не познал моей нынешней истины, иначе бы я не отличал мои худшие и мои лучшие стороны, иначе я бы погряз в пучине неопределённости и всю жизнь прожил бы бессмысленно. Я из тех людей, кто заставляет себя не жалеть о прошлом. Подчеркну: заставляет.

Бывает, иногда и теперь я на мгновение становлюсь таким – безнравственным – забываю о морали, общественных договорённостях. Организм требует, мозг не может отказать. Я не особо это люблю, но обязан дать этому волю, иначе оно будет губительно продолжать сидеть во мне и отравлять мою душу, что в определённый момент времени приведёт к сильному выбросу негативной энергии. В тот момент я достигаю какого-то безграничного счастья и веселья, восторга, насмешкой над пороками жизненной обыденности.

Я ведь прекрасно понимаю, что вся эта рутина – не жизнь, и даже не выход, не спасение. Я прекрасно понимаю, что это просто несусветная чушь, но как иначе? Друзья, положение дел – обязанность существовать, дабы выжить. Если начнёшь жить полноценной жизнью, то долго уж точно не протянешь.

Людей шантажируют: либо ты выполняешь эти требования и становишься бездушным планктоном, либо мы тебя уничтожаем в пыль. Жизнь, построенная на ультиматуме, который заставляет существовать по приписанным правилам – жизнь ли? Но я это делаю, и самое глав-

ное, осознанно. Это самая страшная вещь на свете – осознавать свою безысходность и принимать в ней непосредственное участие. В этом я завидую многим дурачкам, да и вообще не особо придирчивым к жизненному смыслу людям.

К примеру, если взять Женю Правдина, моего одноклассника-дурачка. Он был послушным и делал всё ради лидерства. Такое лидерство можно назвать проституцией, что в смысле получения полезного результата одно и то же. Он посещал всегда и все занятия; что бы ни произошло, он шёл и садился за первую парту; делал все домашние задания, но не давал списывать; ходил всегда угрюмый и замкнутый. Выполняя все требования, он не отличал их по уму: скажут почистить зубной щёткой унитаз, а потом свои зубы – с радостью. Такое отношение к жизни не приведёт ни к чему хорошему, каких бы высот ты не пытался добиться – нужно иметь голову. Поэтому, при всех его отличных оценках, этот парень – дурачок. На последнем году обучения он как никогда был счастлив: он успел подлизаться к достаточному количеству преподавателей, чтобы накопить на красный диплом – и он на него выходил. Один преподаватель, правда, сказал Жене: «Выше четвёрки я тебе не поставлю». Женя проиграл и видимо ощутил это чувство впервые. Он заревел прямо перед глазами полной аудитории, но и тогда не решил протестовать, а просто сел за парту в позу прилежного ученика. Что руководствуется такими людьми? Я наблюдал за всем этим с похмелья, играя в морской бой с Геней, и так же как сейчас не мог понять Женю Правдина.

Я часто стал вспоминать о прошлом. Сумбурные мысли врываются в сознание со словами «а помнишь?». Там столько всего мною оставлено и столько хочется изменить. Меня это очень волнует. От особенно значимых мыслей мне становится не по себе: появляется резкий жар, я покрываюсь потом, в голове становится мутно, появляется гнев и реальное чувство переживания: «Как же я мог так поступить?», «Какой же я был дурак!». Идёт борьба внутри меня: одна часть видит смысл в том, чтобы не жалеть о прошлом, вторая – мечтает о машине времени.

В свои годы я уже многое осознал. Я осознал, что в людях, как и во мне, идёт постоянная борьба между гнусной рутинной и уничтожающей аморальностью. Это захватывает большую часть общества. И я в это верю, потому что я это видел. Иногда и сейчас вижу, что это естественно для людей – быть аморальными. Я по себе это чувствую. Это настоящая прихоть организма, с которой трудно совладать. Осознал, что главная вещь для выживания в обществе – это притворство. Вообще я много думаю об обществе; возможно, такая участь характерно проявляется у искренних ненавистников общества. Мне кажется, что именно тот, кто ненавидит всю эту социальную туфту, именно он так сильно понимает её значимые аспекты. Никто ведь не станет спорить, что вся эта аристократия и интеллигенция – лишь пустой звук, – такая же синтетическая как игра актёров на сцене. И что любой напыщенный сноб – просто клоун, желающий реализоваться в обществе таких же как он, выделяясь при этом словно уж на сковороде. Если в этом покопаться, то всё становится прозрачно, однако всё это вполне прозрачно, да ещё вдобавок очень испорченно и запущено, что понимание истины этого всего не имеет особого практического смысла.

Я не брюзга, как может показаться. Просто я не сильно люблю людей. В принципе, если ты видишь в этом реальный смысл, в этом нет ничего плохого. И главное я никому не мешаю. На самом деле многие не любят людей, но никто не делает этого открыто. Вообще мало кто делает что-либо поистине требующее организму открыто. По крайней мере, если такое и происходит, то это губительно воздействует на совесть или просто является незаконным.

А многие террористы и зачинщики войн вовсе не питали ненависть к людям, просто они любили что-то намного сильнее людей – они были фанатиками идеи или сторонниками другого положения вещей. Они видели мир иначе, а все теперь говорят, что они желали уничтожить человечество. Просто это была их правда и для большинства такая правда являлась ошибочной. Если бы в определённый момент времени большинство придерживалось модели сегодняшних террористов и по этой модели со временем полноценно обжилось всё государство, то

террористы бы никуда не исчезли. Террористы не исчезнут по нескольким причинам: потому что терроризм – это экстремистское противодействие, метод установить свою правду; потому что не может быть правильной идеологии, а оттого мы снова возвращаемся к первому; террор, как революционный метод или религиозный, идеологический, будет оправдан для кого-то, так как он «несёт правильную суть» – для кого-то. Все проблемы в фанатизме, неспособности понимать что-то иное – за пределами того, что в голове; и естественно во лжи.

Ложь тоже можно рассматривать с двух полюсов: ложь корыстная и ложь необходимая. Ложь во благо, как жадность для экономии – в этом есть польза. Ложь всегда есть в обществе – оно на нём построено. Ложью пользуются все, и откровенничать на этот счёт никто не будет. Все готовы её скрывать, оправдываться и говорить, что она необходима – так и есть, но главное же – человеку это нравится. Все боятся выражать чувство удовольствия от чего-то. Каждый хочет предстать перед всеми как человек, у которого все удовольствия и грешки либо найдутся на поводке, либо напрочь отсутствуют. Каждый хочет представить себя как волевого и независимого человека. Так и выходит, что тот, кто искуснее всего лжёт – получает овалы; а тот, кто вещает правду или плохо лжёт – неизбежно будет кастрирован. Странная штука, которая ведёт к балансу общественных ценностей и всего мирового порядка. Именно ложь, а не правда – основной критерий сегодняшней социальной стратификации.

Я сам активно борюсь со своими искушениями. Но я не вру насчёт них. Когда обманываешь – от этого ещё хуже, уж я это знаю. И что особенно характерно таким обманщикам – это полнейшее нежелание их проявлять силу воли, чтобы совладать со своими прихотями. Я не понимаю этих людских стереотипов и ни в коем случае не могу с ними согласиться. Мне не стыдно, что я получаю от чего-то действительно человеческое удовольствие, хоть это и аморально. Но это человечно. Именно, человечно. Абсолютной морали не существует, а нарушение той морали, которую пришлось принять – грех, – что это вообще? Очень странно, что кто-то этого придерживается осознанно и без принуждения – такие люди вовсе самые конченные монстры.

3

Нынешним днём я не пошёл на работу, позвонил начальнику и сообщил, что неожиданно приболел. Он поверил, повод тому был – я примерный сотрудник, а таким люди верят. Они верят потому, что считают таких людей неспособными лгать и поступать против системы. У таких людей как я есть даже специальное название – бесхребетный. Но, я считаю, что выглядеть бесхребетным в какой-то момент бывает полезно.

Я весь день размышляю и пишу. Я поймал очень сильное вдохновение и исписал листов десять с обеих сторон. Меня одолела мысль как раз на моменте возвращения к размышлениям о том случае в общежитии. Мы ведь не протестовали против всех, мы просто хотели жить. Жить именно так, как велит душа: жить иррациональными стремлениями и желаниями. Мы окунались в огромный мир, который невозможно было узнать, живя как все. И эти воспоминания – они плод тех действий. На этом моменте я вернулся в мои воспоминания.

Мы тогда были в деревне у Макса. Он был родом оттуда. Были каникулы, и чего только не произошло за тот период, пока мы там находились. У Макса было много друзей, его знали все в родной деревне и все в деревнях рядом. Говоря прямо, эти деревенщины отличались от нас – городских. У них был акцент и характерный диалект, просторечие. Городской сленг, видимо, не достиг глубинных земель страны, поэтому когда мы с Геной и Максом начинали использовать сленговые слова, они могли просто сделать вид, что понимают, а иногда прямо спрашивали о значении того или иного слова. Оттого мы казались выше их, грамотнее, как дворяне перед крестьянами. В пониманиях получения удовольствия они не особо отличались от нас и это понятно: на животном уровне все люди равны. Это утрировано, но верно. Многие вещи им действительно были диковинными, хоть от цивилизации они не сильно отошли. Например, тот же компьютер. Компьютеры были не у всех, далеко не у всех. Важно здесь – это интернет –

вещь, о которой они знали, имели представление, но практически не имели дел. Тогда ещё не у всех в городе был интернет, а в деревне подавно.

Помню прохладные ночи, когда мы гуляли и пили до утра. Ночью весь мир становился другим: улицы были пустые; не считая наших криков и разговоров, была мёртвая тишина – всё казалось сказочным, даже сквозь состояние охмеления. Мы как-то прогуливались мимо леса и ощутили саму природу – её гармонию, её запах и притягательное обаяние. Мы легли на траву и молчали, смотрели на звёзды и наслаждались непонятым, но таким правильным чувством.

Мы были словно хиппи в далёкой Америке, – мы несли тот же смысл существования. Но мы были наши хиппи – созданные под влиянием родной земли. Это сравнительное отличие между национальными идеями нашей страны и Америки, которое проявлялось в поколении, на плечах которого лежит будущее.

Тогда мы смогли ощутить все оттенки эйфории и чувств. Чувствовали свободу, как нечто неопишное, как любовь, или страх – такое было это чувство. Никого никогда не учат понимать свои чувства. Просто берут человека, заводят в общество и шепчут на ушко: «Когда это произойдёт – ты всё поймёшь». Позже, с опытом, человек находит любовь, потом боль, иногда подлость, потерю. Все чувства человек испытывает на себе. Их можно объяснить разумно, можно сказать, отчего они появляются, но сам момент чувства – это нечто чудесное и не поддающееся описанию.

Времени не существовало; его природная сущность была и даже наблюдалась, но того времени, по которому живёт город не ощущалось. Пространство было безграничным, а природа принимала вид союзника, забыв о том, как человечество сотни лет разрушало её.

Уже ближе к восходу вся наша компания разошлась. Я начал трезветь и посмотрел на Макса, уснувшего на траве. Гена лежал рядом с ним и смотрел на звёзды. Такое потрясающее утро в самой глубокой части страны, где нет места этой суетной жизни большого города, где проблемы существования остались консервативными и неподвластными цивилизации. Я тогда считался частью природы, я сидел и смотрел на всё вокруг, получая самый натуральный кайф. Кайф простого существования, который люди не могут ощутить в романтике каждодневной рутины. Этот момент я считал кульминационным пиком всего моего бытия. Так считал я тогда, в те давние годы. Я помню каждую крупинку тех переживаний.

Мы не были обычным быдлом или ребятами, которые видят смысл в банальном физическом удовольствии. Я, бывало, читал труды философов немецкой школы и вообще любил почитать хорошую литературу. Макс любил художественную литературу, особенно отечественных авторов девятнадцатого столетия и начала двадцатого. Гена читал только то, что попадалось ему под руку. Мы тратили много времени на обсуждение тех или иных вопросов, даже не смотря на нашу бешеную манию к дикому поведению. Мы видели в этом жизнь – в сосуществовании возвышенного и низменного, в солидарности оных.

Прошло пару дней. Мы были в большом доме Макса. Все выпивали и веселились – так было часто. Где были родители Макса? Не стоит заморачиваться, это не так важно. Я понял, что моё сознание накрывается медным тазом, потому что ситуация в моих глазах начинала двоиться. Все что-то начали паниковать, кричать. Спустя минут десять я осознал, что идёт драка, в которой участвовал Макс и его старый друг детства. Они оба были одинаково крупные и шансы на победу того или иного зависели от количества принятого алкоголя. Интересно то, что разнять их никто не мог. Я уставился на них приняв деловую позу, притом глупо улыбаясь. Они произвели у меня ассоциацию с викингами, или казаками – такими же наполненными духом и закалённым к физической боли.

Они закончили драться оттого, что обессилили в край. Дрались они примерно в половину всей силы из-за своего состояния, но этого было достаточно для разгрома. Сами они выглядели уставшими и немного помятыми от драки – не так сильно как ожидалось. У Макса пошла кровь носом, и он устремился к раковине, а его одноклассник встал и вышел из дома в неизвестном

направлении. Кстати, этого парня потом арестовали за езду в нетрезвом состоянии; всю ночь он провёл в вытрезвителе. Вокруг была полная разруха, но людям это не особо мешало – они продолжали веселиться.

Макс пришёл из туалета напрямик ко мне, выглядев при этом абсолютно нормальным и трезвым человеком, с небольшими ссадинами на лице. Он улыбался, принялся пить пиво – и залпом опустошил стакан. Я уже отошёл от состояния глубокого непонимания ситуации и спросил у него:

– Что у вас там случилось?

– Старые обиды, ничего страшного. Я как-то встречался с его старшей сестрой, когда был в девятом классе. Расстались мы не особо хорошо: я поставил ей здоровенный фингал под глазом. – Он посмеялся. – Она его заслужила, дура. – И он опустошил стакан пива.

Уже наутро, скорее днём, я пробудился с осознанием чудовищного похмелья. Я увидел, как Гена абсолютно голый смотрит в окно и курит сигарету. Меня не удивил его вид и поза статуи Давида. А должен ли был? Я сходил на кухню и выпил две таблетки аспирина, обильно промочив горло водой, которая показалась мне каким-то чудесным нектаром, ангельской мочой.

Я осторожно подошёл к Гене, будучи озабоченным его задумчивостью.

– А ты всё спишь и спишь, – начал говорить он и посмотрел на меня. – Жизнь мчится и все эти жизненные преграды, о которых мы постоянно говорим, ей по-барабану.

– Надо же было столько выпить, – сказал я, держась за голову.

– Я задумался вот над какой мыслью. Из пластилина гораздо проще вылепить нужную фигуру, чем из пластика. Обычно, чтобы сделать что-то из пластика приходится прибегать к огню, – сказал он, смотря в окно.

– Что? Это ты придумал?.. Зачем ты это придумал? – спросил я.

– Да, я ещё не ложился или уже не ложился. Ты веришь в то, что люди неравны изначально, по своей природе?

– Да... в какой-то мере.

– Я прекрасно понимаю религиозное рвение, стремление государства уравнивать всех людей. Но таким образом мы только бежим от проблемы. Даже не от проблемы, а скорее от источника всех проблем. – Он начал разгуливать по комнате и смотреть то на пол, то в стену, словно куда-то далеко-далеко.

– И что ты этим хочешь сказать? – Я был не подготовлен к такому диалогу никаким образом.

– Дело в том, что этот источник нужно использовать на благо, не бежать от него, а принять – сделать основой всего человечества. И тогда каждый сможет не только обрести своё место и принять судьбу, но и прожить достойно свою жизнь, – сказал Гена, фанатея от своих слов и шагая всё более длинными шагами, широко раскрыв глаза. В нём виделся оратор, желающий утвердиться в глазах людей.

– Ты имеешь в виду справедливость?

– Истина! Ты чертовски прав, мой друг: спра-вед-ли-вость – да! – В нём было видно непомерное безумие и тщетное стремление изобразить актёрскую игру.

– Но как же хаос? – с интересом спросил я. Я начал потихоньку входить в диалог.

– Какой хаос?

– Ну, хаос, который произойдёт, если каждый человек будет тем, кем захочет.

– Знаешь, мне кажется, что должен возникнуть естественный отбор в условиях цивилизации. Ну да, хаос неизбежен. А вообще, знаешь, если предстоит выбрать: сраное равенство всего, этот коммунизм, который приводит к якобы равновесию, или хаос в справедливости – то я выберу второе, потому что в нём я вижу жизнь. – По заключению своих слов он лёг на диван и положил ногу на ногу. Он всё ещё был голый.

– Эти слова не приведут ни к чему, если будут входить в мир вот так, в стенах деревенского дома. И само собой, что... – Я начал зевать... – мысль верная, но толку?

– Просто... – Он немного поник... – меня это волнует. Я не могу видеть несовершенство в мире так отчётливо и ничего не делать, не говорить, делать вид, что нем и глух. От этого мне не по себе. – Он сменил лежачую позу сидячей.

– Так будет всегда. Расстроит это тебя или изменит понятие о жизни. Бороться с этим? Плести сети пропаганды – в этом они, – Я указал правой рукой по диагонали вправо (подразумеваемая власть), – преуспели. Пытайся бороться. Что толку долбиться в бетонную стену? – Во мне сейчас играло непонятно что, какая-то страсть, желание исповедаться и в то же время поставить на место Гену с его иллюзиями.

– Но как же Че Гевара, Ленин... э-э-э... Вашингтон?

– Но ты ведь не они, – безразлично сказал я.

– И это верно. – Он поник ещё сильнее. Видимо я разнёс в пух и прах всю его горячку, одолевшую его. Это был явный спор. Я почему-то захотел выступить против. Я мог бы поддержать его, и мы по-дружески благоговейно друг к другу построили бы идеал «нашего общества», обменялись бы взаимными знаниями, предположениями, согласились бы во всём, что пришло в голову и мне и ему (потому что не хотели бы обидеть друг друга отказом). Я поступил иначе, проявил хладнокровие, присущее старику-пессимисту, уставшему от компромиссов в жизни. Но самое важное, для меня того, и для меня сегодняшнего – я не соврал, а солидарность должна быть основана только на правде. Быть солидарным с кем-то во мнении может каждый, главное вовремя поддакивать. А если ты действительно не видишь смысла быть солидарным, стоит ли блюсти законы этики и соблюдать солидарность? И главное, каковы последствия такой солидарности? Терпение? Понимание? И, наконец, подобие? Возникает вопрос: стоит ли оно этого? Мой ответ: конечно, не стоит. Потерять себя, ради того, чтобы чувствовать принадлежность себя к чьему-либо мнению, – это даже глупо. В первую очередь нужно быть максимально правдивым к себе.

– Надеюсь, я не сильно на тебя напал? – Я зачем-то начал оправдываться. – Просто решил, что правда будет полезнее.

– Всё в порядке. Главное, что ты понимаешь о чём я, а я понимаю о чём ты. Именно в этом проявляется вся суть взаимодействия человека с человеком. Главное понимать. И... правда важна.

– Ты немного странный сегодня. Ну да ладно, я полежу ещё, может, усну. Тебе советую сделать то же самое. – Я лёг на кровать и отвернулся лицом к стене, а Гена всё так же продолжал лежать, чем-то озабоченный, лишь промычал короткое «угу».

Я не сильно хотел спать. Состояние было непонятное, но оставалось таким стабильно. Я начал размышлять о многом тогда, точно так же как сейчас. Я всегда любил помечтать и вообще подумать над чем-нибудь, отойти от реальности. Приём алкоголя и наркотиков – это тоже стремление избежать реальности. В том мире, который создаётся намеренно, с помощью вспомогательных веществ, можно взглянуть на всё по-другому. Каждый обыденный объект становится оригинальным, представляется с другой, никогда не доступной в реальной жизни стороны. Мир расширяется, углубляется, воздух густеет, а биение собственного сердца можно услышать – ты выходишь за человеческие грани.

Я не любил реальность, и поэтому раньше нередко приходилось от неё прятаться. Реальность не любит прятки, а уж если она находит тебя, то тут держись – можно в конец рехнуться. Когда реальность застаёт тебя в состоянии ухода от неё – тогда всё перемешивается и, честное слово, мне знакомо это состояние. Самое главное – контроль этого самого ухода, нужно быть с ней на короткой нити, на вытянутой руке. Если вдруг слишком удалишься от неё, то возвращаться будет очень неприятно. Особенно, если возвращаться придётся неожиданно и

быстро. Именно силы контроля мне никогда не хватало. Я слишком позволял себе упиваться всем, что давало мне право не только уйти от всей серости бытия, но и не быть как все. Я понимаю, что достиг чувства зависимости. Да, как не прискорбно это говорить, меня поймала в свои сети зависимость. Это не было слишком запущено и не доходило до того, что я воровал сумочки у прохожих, чтобы достать денег, но и достаточно для ощущения разрушительной силы зависимости.

Мне кажется, такое должен пройти каждый, чтобы трезво смотреть на жизнь; хотя бы, чтобы понимать ту сторону, против которой все так борются. Многие люди борются с алкоголем и наркотиками и большинство из них даже не пробовали пива или травки. Это не профессионально. Все их факты построены на вере, теоретических сведениях. Истинный борец с чем-то должен знать об этом всё, вплоть до самого сокровенного, а иначе он просто обиженный придурок или человек, который взял за основу предрассудок и состряпал из него идею. Каждый должен познать в себе силу контроля и силу зависимости, взвесить эти силы и самолично сделать выводы. Это неоценимый опыт.

Я не борюсь с чем-то глобально, я стараюсь бороться с этим в себе. Я и сейчас не особо люблю эту реальность, но приходится мириться с ней. Я получил опыт и теперь применяю его. Человека учат ошибки, успехи не дают настоящего опыта. Успехи дают опыт успеха, славы, превосходства, а ошибки позволяют постичь придонье и мотивируют на свежие идеи и возможности – это надо ценить, господ.

4

Во многом, благодаря своему опыту, я осознал многие ценности. Для человека важна ценность духовного самосохранения, именно своей индивидуальности. Как тогда заключил Гена: «необходимо быть самим собой, чтобы познать действительную жизнь», – так оно и есть. Но не всё так просто как звучит в теории.

Я, лично для себя, провожу грань между социальным миром и индивидуальным. Эта грань всегда существовала и существует, однако для меня она имеет особое значение. У меня есть важный принцип: не смешивать эти два мира, иначе либо я не буду принадлежать себе, либо мне больше не будет места в обществе. Так или иначе, мне бы не хотелось этого допустить. Но если бы пришлось вдруг выбирать, то я без колебания сделал бы выбор в пользу индивидуального пути, просто потому, что так я не потеряю себя – а этого я не хочу допустить.

Я не имею права быть как все. Если бы я был как все, тогда я бы уничтожил свою сущность; я бы опорочил своё бытие. Поэтому я обречён на индивидуальное восприятие мира, которое так мешает существованию в обществе. Возможно, источник моей неспособности контактировать с людьми – нежелание интересоваться их интересами, потому что эти интересы для меня чужды. Я не понимаю людских проблем, обратно как и люди не смогут понять мои – поэтому пусть всё останется так, как есть.

Социализированные люди спокойны в своих выражениях мыслей, в своём бытии, понимании окружающего. Моя зависть к ним всегда была сильна; но стоит лишь подумать о том, чего я буду лишён, если поддамся моему пороку, тотчас же решаюсь ничего не менять. Я как бы разделён между двумя идеалами: мой истинный уклад жизни и общепринятый.

Находясь среди людей, ненароком приходится соблюдать общеустановленные правила, и я их соблюдаю. Это необходимо, чтобы выживать. Парадоксально и то, что это необходимо, чтобы моя индивидуальность могла полноценно существовать. На самом деле, смог бы я понять свою индивидуальность, не поняв общественность? Это как тот факт, что добро не может существовать без зла – и это истина.

Я женат на социальном мире, имея любовницу – индивидуальный мир. Чтобы выжить, необходимо принять общество. Это как брак по расчёту. Но я никуда не могу уйти, да и не хочу уходить от одиночества – ведь этого желает мой дух.

Всю свою поистине сознательную жизнь я одинок. И тогда, и теперь – так было всегда. Я мог казаться экстравертом раньше, наедине же я всегда испытывал настоящую свободу. Этой свободы не было в компании; наверное, было всё, кроме этой свободы. На моём существовании, возможно, существует отметина «одиночка». Я ухожу в себя и провожу огромное количество времени в своём мире. Я много размышляю о всяком: об обществе, морали, смысле жизни, психологии, различных философских темах и так далее. Порой, в своих размышлениях я дохожу до необычайно сверхъестественных пониманий мироздания. Меня воодушевляет сама мысль о загадках бытия, поэтому я размышляю часто, много и упорно. Это моя страсть и так я понимаю свой смысл жизни.

Одиночество – это то, что мне бесспорно принадлежит. Я осознаю, что одиночество не должно заменять жизнь и понимаю чем оно губительно, поэтому рано или поздно мне придётся расстаться с одиночеством, ради себя самого. Это правда. Однако одиночество позволяет достигнуть высшего самопонимания, абстрагироваться от окружающих. Одиночество – это мой союзник в постоянной жизненной неразберихе. Она неразборчива, потому что эта неразбериха – есть материал для созидания. Как скульптор делает творение из куска мрамора, как художник пишет поражающие своей красотой картины, так и я стараюсь создать в своей голове и вылить на бумагу порядок, сотканный из нитей хаоса.

Хаос всегда предшествует порядку – не наоборот. Из хаоса возникало всё на свете, и мы возникли из него – кто с этим станет спорить? Он – движущая сила прогресса. Порядок, который все так любят – сила разрушения. Предстоит задуматься: если бы не было порядка, то возможно ли вообще разрушение? Каждый даст на этот вопрос свой ответ. Я же абсолютно уверен, что порядок не всегда хорош, как кажется. Возможно, это всего лишь волк в овечьей шкуре. Впрочем, я создаю этот порядок. И даже не пытаюсь уничтожить в себе ту самую веру, что когда-нибудь кто-то прочтёт моё произведение и восторжествует. Я на это надеюсь.

Может быть дело в том, что я глуп в обыденных делах людей – я их просто не понимаю. Если я решаюсь делать что-либо системное, то подхожу к этому осознано, и поэтому считаю это абсолютно глупым. Да и не только глупым, отчасти просто античеловеческим проявлением. Бессознательно каждый представитель общества это понимает, возможно, знает и сознательно, но почему-то принимает это как действительное.

Я открыто понимаю свою глупость в этом, признаю её. Все мои прежние глупости останутся со мной навсегда. Я все их знаю и не раз о них думал. Смысл в том, что люди не видят своих глупостей, а если и видят, то отчаянно стремятся не замечать, или замаскировать, или спрятать, но никак не исправить.

Скорее всего, в подобии жить гораздо проще, чем в индивидуальности. Потому что индивидуальность – это всегда нечто не как у всех, и быть особенным, ни как все – пугает. Пугает потому, что это трудно, даже если взглянуть на меня, то можно понять всю трудность такой жизни. И непосредственно подобие редко связано с одиночеством, а поэтому социализированному человеку не дано понять весь смысл этого одиночества.

А может это и правильно – жить как все и не задаваться подобными вопросами, которыми я задаюсь. Может быть всякое, но я считаю, что самое верное – это то, что желает само сердце, не иллюзии желания, которых немало, а именно душевные желания.

5

Около одиннадцати часов. Выходной день. Слишком типичное утро для человечества. Встал я с отличным расположением духа. Сразу же лёг на кровать и вспомнил свою жизнь в своём общежитии.

– Вставай, болван! На, выпей, – меня будит Гена и протягивает мне бутылку пива.

– Сколько времени, урод? – говорю я, протираю глаза и делаю добрых десять глотков холодного пива. Пиво натошак – вполне занятная ситуация. Начинает покачивать, как на корабле судна в ненастье, появляется чувство бодрости и размытости реальности.

– Полдесятого. Ты думаешь, есть шанс поднять этого человека? – Он указал на Максима, который смачно давил лицо в подушку.

– Только не традиционными способами, – чётко заметил я и подал бутылку пива обратно.

– Это да. Надо набрать воды – я думаю это заставит его встать, – сказал Гена, поставил бутылку и помчался в ванную за ресурсами своего предприятия.

– Есть еда? – спросил я, будучи уверенным в отрицательном ответе.

– Нет, – послышался глухой голос Гены.

– Нужно будет сходить до магазина, а то я со вчерашнего дня ужасно голоден.

– Хорошая мысль. Когда пойдёшь в магазин, захвати сигарет.

– Хорошо, – пришлось сказать мне. Вообще-то я рассчитывал, что сходить в магазин вызовется Гена. Почему я на это рассчитывал?

Гена бежит из ванной с полным тазиком воды и странной бешеной улыбкой на лице. Подходит прямо к кровати Максима и, разрываясь от смеха, безмолвно ждёт команды от меня. Я тоже улыбаюсь – смешная ведь штука; киваю головой. Тазик опрокидывается и происходит шлепок воды – это такой веселящий звук, который нужно только слышать и от этого уже становится смешно. Мы взрываемся громким смехом и ещё сильнее ухохатываемся при виде мокрого и разъярённого Максима. Макс – добряк и такой же любитель шуток, как и мы с Геной, поэтому он с фразой «долбаные кретины» медленно, вытирая лицо рукой, уходит в ванную.

Мы просмеялись и я начал одеваться. Гена подкурил чинарик и крепко затянувшись, закричал:

– Макс, как тебе пробуждение!?

– Зашибись, Булочка! – иронично прокричал из ванной Максим и засмеялся. Гена не обиделся в этот раз, понимая всю заслуженность этой насмешки.

Мы все ещё разок взгоготнули, и я ушёл в магазин.

Воспоминание возникло невзначай, как-то неожиданно проскользнуло в мой только пробудившийся мозг. Мне на секунду захотелось туда, в те дикие и безмятежные деньки. Мы веселились, день и ночь балдели от жизни и всё было нипочём. У нас была настоящая дружба – это факт. Хотелось выкроить денёк моего настоящего и променять его на денёк прошлого. Просто побыть там с моими друзьями, выпить пивка, посмеяться.

Воспоминание продолжилось.

Я уже возвращался из магазина. Приветливое лицо вахтёрши, которая нередко орала на нас за наши же проступки, меня удивило и сразу же сделало этот день ещё лучше. Торопливым шагом я зашёл в нашу комнату и сразу же устремил на себя озабоченные глаза Гены, который сразу подошёл ко мне и сказал:

– Вот мой самый лучший спаситель! – Широко улыбнулся и бросился доставать сигареты из пакета с продуктами. Максим лежал на кровати и что-то рисовал в своём альбоме (он любил рисовать простым карандашом). Его мокрые волосы заставили меня ещё раз отменно улыбнуться. Гена распечатал пачку, достал сигарету, словно одержимый, подкурил её и затянулся со словами: «Вот этого мне серьёзно не хватало». Я принялся распаковывать лапшу быстрого приготовления, с той же одержимостью из-за дьявольского голода.

– Чем займёмся сегодня, молодые люди? – громко спросил Гена.

– Можно погулять с этими, помнишь... с первого курса, – сказал я, чеша затылок.

– Почему бы и нет. Нужно только выпивку, да желательнее покрепче, – сказал Гена и вдруг спросил: – А если они вина своего захотят?

– Возьмём им дешёвого, они в нём всё равно не разбираются. Да оно их ещё сильнее срубит, – сказал я.

– Ну, тогда замётано, – сказал Максим.

И тогда я сразу перешёл к воспоминаниям о том моменте, когда мы пошли гулять с этими первокурсницами.

Ещё был вовсе не вечер, но нам нужно было вернуться до одиннадцати часов вечера, иначе бы нас просто не пустили в общежитие. Поэтому мы всегда начинали гулять днём и возвращались как раз вовремя. Я тогда был с прекрасной Кристиной, которая, выпив около стакана, начала активно проявлять интерес ко мне. Она сначала просто смеялась над моими шутками, которые по правде говоря, были довольно смешными, но в ней был замечен этот поддельный смех, который стремится расположить к себе. И помню, что мне хотелось прижать её в любом из попадавшихся углов, но я проявлял странное поведение джентльмена, хоть и травил пошлые шутки.

Я её поцеловал, когда мы уже изрядно выпили, когда стемнело и мы сидели на лавочке. Все громко говорили, кричали, ребячились, смеялись и шупали друг друга. Буквально первые десять секунд нашего поцелуя произвели в моём мозгу непонятные чувства. Её неожиданный смех прервал наш поцелуй. Она расхохоталась над тем, что сказал Гена. Я, честно говоря, не услышал, что он сказал.

Мы гуляли ещё часа два тогда. Втроём: я, Гена и Макс, – мы шли по тихим улицам города в состоянии порядочного опьянения, выкрикивали разные песни, простые и глупые афоризмы и твердили о том, что мы будем друзьями навечно.

Пришли мы в начале одиннадцатого и были чертовски пьяны, но перед вахтершей мы хотели показаться трезвыми. Хоть глаза и выдавали нас – по ним было видно, что мы, как говорится, «в дрова» – она всё же пропустила нас. Мне кажется, она нас понимала и уж её совесть никак не позволила выгнать нас на улицу на всю ночь.

В комнате мы достали спрятанные в сумку Макса бутылку водки и колу и продолжили безудержное веселье. Это была классическая вакханалия, но нам в этом виделся огромный смысл. Смысл жизненного восторга с элементами невесомости, независимости и неуязвимости. Нам не было дело ни до политики, ни до каких-либо проблем человечества – был интерес того, что происходит сейчас и не больше. В этом есть своя, определённая философия, которой есть место быть.

6

Весь день до вечера я провёл в состоянии глубокой обломовщины: я никуда не ходил, ничего не делал, почти не вставал с кровати. Я ещё много думал о том самом прошлом. Было уже сумеречно, и я выглянул в окно без цели и без смысла. Я разглядывал людей и поймал нотку вдохновения. Начал много думать уже о настоящем.

Часто, в этом самом обществе, возникают волнующие вопросы. Я давно научился не обращать внимания на дебаты и разглагольствования на такие темы. Поднятие многих тем на обсуждение является некоторой уловкой. Их поднимают, как должны все думать, для того, чтобы найти и понять истину, но на самом деле, чтобы подпитать социальные ценности. Мне это видится таким образом.

Нередко можно заметить, что, прямо или косвенно, затрагивается тема справедливости и равенства. Как тогда начал было эту тему Гена. Не нужно быть наивным и говорить серьёзно о справедливости, равенстве и других социальных идеях – это что-то утопичное, и вместе с тем невозможное. Конечно, хочется видеть в обществе некую солидарность и нравственное развитие, но необходимо понять, что в полной мере это нереально, как нереальна и верная идеология для какого-либо государства.

Идеологи со своими идеалами всегда имеют некий подтекст: личные выгоды стоят за внешними доктринами. Не стоит, наверное, лишний раз замечать, что человека ведёт не идея, а власть и личное обеспечение. Вся история – это психология. Все идеологии, убеждения, религии – это стремление реализовать человеческие позывы и доказать свою точку зрения на мир, затем следуют реакции на это, далее – реакции на реакции... Вообще на самом деле так и есть, потому что нельзя сказать, что мир должен быть таким-то, люди такими, пороки такими-то и жить нужно правильно выполняя то-то и то-то – это глобальный обман. Каждому нужно что-то своё. Монополия определённого убеждения в голове приводит к тому, что человек не видит мира целиком. В любом случае, эту тему уже затрагивали как минимум раз в эпоху, и все великие умы, так или иначе, сходились в этом.

Впрочем, из дилеммы: равенство или справедливость, – я выберу справедливость. Может быть, я наивен и считаю, что при справедливости нет смысла говорить о том, что кому-то плохо, а кому-то хорошо живётся – всё будет зависеть от того, заслужил ли человек так жить или нет. Равенство никогда не застраховано от случая, что кому-то будет не хватать, а у кого-то будет в избытке. Справедливость же, по своему определению, даёт человеку то, что он заслужил.

На такие мысли меня натолкнуло понимание того, что хорошо и что плохо. Я постоянно сам себе твержу, что я был плохой, делал плохие вещи, но не пытался хоть на секунду допустить обратное. Главным образом, это всего лишь мои убеждения, которые приводят меня к тому смыслу: «тогда я делал плохие вещи», – я твержу и твержу себе уже долгое время. Это не глобальная истина, а чисто моя, эмпирическая, построенная на переживаниях, истина.

Я глядел на мгновенно проходивших перед глазами людей и мимолётно их узнавал и так же забывал. Над этим мне пришлось задуматься. Я сравнил этих людей с людьми сто лет назад, двести лет назад – они тоже мне незнакомы, тоже суетно носились по своим делам, тоже имели мысли и возможно смысл в жизни. Но они никому неизвестны сегодня – они прожили свой век за один миг. Все их проблемы, кучи желаний, целей, чувств, взглядов, убеждений и сделанных вещей просто растворились вместе с ними. И эти люди будут такими же для будущих людей, которые задумаются об этом. Они неизвестны, живут неизвестными и умирают неизвестными. И таких людей огромное множество во всех поколениях.

Меня это взбудоражило, и я представил, что вот сейчас, если я вдруг умру, то я не буду отличаться от таких людей. Я просто растворюсь. Я не сделал ничего, что оставит существенный след моего духовного существования. Я проживу ещё какое-то время где-то в долгом ящике воспоминаний моих старых знакомых и друзей и окончательно растворюсь в небытии, когда умрут они. Да, жил такой человек – и толку?

Я вспомнил, как ехал тогда в автобусе «Екатеринбург – Каменск-Уральский». При выезде из города я тоже наблюдал за людьми и тоже размышлял. О чём я тогда размышлял? Может, о чём-то схожем. А скорее всего, просто думал: «Пить потихоньку – по два-три глотка, или сразу залпом сделать десять?». Мы ехали около двух часов, захватив с собой трёхчасовое количество выпивки. На половине дороги наши мочевые пузыри наполнялись под завязку, и я предложил воспользоваться опустевшей тарой из-под пива и джина. Так мы и поступили на удивление остальным пассажирам автобуса. Потерпев ещё десять минут, всё бы произошло само собой, только вот не аккуратно в бутылочку, а напрямик в штаны. Впрочем, насчёт аккуратности нашего предприятия можно поспорить. Когда мы начали было отливать, произошла форс-мажорная ситуация – автобус тряхнуло, видимо на яме, и напор мочевой струи оказался направлен в прочую от бутылки сторону. Макс намочился на пол; Гену повело и он обмочил переднее кресло (благо хоть не попал на впереди сидящих); а меня взяло право руля и я намочился прямо на окно (ладно хоть я сидел у окна, боюсь представить, что бы случилось, если бы я сидел у прохода). Но мы всё быстро стабилизировали. Люди вокруг обомлели.

Тогда было 31 декабря. Институт мы покинули за два дня, успешно сдав сессию. Макс завалил один экзамен, но не парился по этому счёту. Меня позвала Кристина отметить своей компанией, особо не разгуливаясь, так сказать по-семейному. Мы направлялись к ней – в Каменск-Уральский, она там жила, а во время учёбы жила в общежитии.

Выйдя из автобуса, мы выкинули пустые бутылки, бутылки наполненные мочой и направились в платный туалет: десять рублей за одно пользование. Время было сумеречное.

«Немного несправедливо брать одну плату за пользование “по-маленькому” и “по-большому”. Могли хотя бы скинуть рублей пять, тогда бы и ссалось не так озабоченно», – сказал Макс, выйдя из туалета. Мы посмеялись и покритиковали всю капиталическую систему, вплоть до того, что Макс изверг из своего рта такую штуку: «Такие как эта старушка (которая брала плату за пользование туалетом), в конечном итоге и становятся миллионерами». Потом узнали номер местного такси и направились по указанному адресу.

Каменск-Уральский – небольшой город, но всё-таки Город. Проезжая его улицы, я нашёл аналогию в наших окраинах – давно застоявшихся и редко изменяющих вид обочинах городской цивилизации. Притом Каменск (как его принято называть местными) являлся таким весь. Я бы назвал этот город дитём Екатеринбурга, его демо-версией, говоря на современный лад. Обычный провинциальный городишка, напоминающий разросшийся посёлок городского типа.

Мы ввалились к Кристине домой пьяные и в ужасно нестабильном состоянии – в предпраздничном и торжественном. У неё дома были родители, что НАС немного обеспокоило. Мы их вообще не сразу заметили; только спустя трёх десятков режущих непривыкшие уши матерных слов, во время того как я начал приставать к Кристине, в дверях между гостиной и коридором появился её отец. Он был вытянутый и худой, с сединой на висках, в классических очках и официально одет. Я обнимал Кристину, или она меня держала; Максим матерился, осматривая свою куртку, потому что пьяный упал и порвал её, а ещё ко всему прочему потерял телефон; Гена допивал остатки дешёвого джина. Её отец посмотрел на нас странно осуждающе и обратился к Кристине:

– Крис, кто эти люди?

– А разве вы не знали, – икая начал говорить Гена, – что говорить о присутствующих в третьем лице – правило дурного тона?

Отец Кристины уставился на Гену; Кристина уставилась на отца и перешла из положения «интимные объятия со мной» в положение «невинная и виноватая». Гена смотрел косоглазыми от беспредельного количества выпивки глазами, с глупой неуместной улыбкой.

– Ты сейчас в моём доме и в моём доме я буду делать так, – Кристинин отец начал подходить ближе к Гене, – как захочу. – Он уставил указательный палец в десяти сантиметрах от лица Гены.

– Указывать пальцем на человека вообще-то тоже неку... неку-льту-рно, – еле выговорил Гена.

– Слышь, мальчик... щенок!.. – уже громко начал отец Кристины, – а ну вышел из моего дома! – И уже обратившись ко мне с Максом: – и вы тоже!

– Вы слишком грубы, отец, – начал Гена. – Мы, конечно, извиняемся... э-э-э... но это не повод, чтобы поднимать голос – все мы люди.

– Мне!.. – громко вскрикнул отец Кристины, но тут же перешёл на шёпот, – насрать на тебя и твоих дружков. Покиньте, пожалуйста, помещение.

– Пап, ну пусть они останутся, – начала говорить Кристина. – Я их сама позвала...

– Крис, у нас гости, – начал её отец, – куда я их дену? – неожиданно перейдя от ненависти к удовлетворению Кристининых слов. Она, видимо, была избалованным ребёнком, если бы было по-другому, тогда её отец непременно должен был наорать на неё и выкинуть нас в подъезд. В общем, всё вышло странно для конечного результата сего конфликта: мы разделись,

разулись и нам разрешили пройти в комнату Кристины, условившись с её отцом: «Ни звука от вас чтобы не было слышно».

Комната у Кристины была большая и мы все комфортно расположились. Я упал на мягкую и нежную, как кожа Кристины, кровать; Гена сел за письменный стол и включил компьютер; Макс рухнул на пол и закрыл глаза. Кристина стояла в начале комнаты и смотрела на то, как мы хозяйничаем. Абсолютно никакой культуры, при полноценном её знании, в теории.

– Только тише, ребята, – сказала Кристина и закрыла дверь, потом подошла ко мне и осудительно сказала: – Вы могли хоть не напиваться, потерпеть?

Я молчал и лежал с закрытыми глазами. Я чувствовал, что она смотрит на меня и ждёт ответа на свой вопрос. Кристина решила, что я сплю, и притронулась к моему плечу в надежде разбудить меня. Как только она притронулась ко мне, я схватил её руку, повалил её на кровать и вцепился губами в её губы. Она не сопротивлялась, но спустя пару минут сказала:

– Хватит. Вдруг войдёт мой отец.

– Пусть присоединяется, – не подумав, сказал я, а потом только понял сказанное. Вырвалось невзначай, как-то рефлекторно.

– Дурак, – сказала Кристина непонятно в каком тоне. То ли это был такой тон, типа «ха-ха, какой ты остроумный пошляк», то ли типа «это глупо и совсем не смешно».

Как-то меня «прижало» и я помчался в туалет справить нужду. Будучи один на один с унитазом, тотчас я вспомнил про Гену. «А где Гена?» – сказал я вслух.

Когда я сделал все дела в отведённом месте, выйдя в коридор, я услышал знакомый голос, среди прочих, доносившийся из гостиной. Я пошёл на его зов и прислушался к такому диалогу:

– Ты славный парень, – говорил отец Кристины, по голосу пьяный

– Да вы тоже... – пытался поддержать разговор Гена.

– Просто, понимаешь, Крис... она... она у меня единственная, драгоценная, мой маленький алмазик... – продолжал отец Кристины.

– Да, я понимаю.

– Береги её. Я вижу, как ты на неё смотришь: это неподдельная страсть блеском отдаётся... прям так... понимаешь... Я на её мать – Людку – так же смотрел, царствие ей небесное...

Я слушал их разговор и не воспринял данную информацию всерьёз – обычный пьяный угар. Гена, однако, ничего не сказал в ответ.

– Давай выпьем за неё, – сказал отец Кристины.

Они выпили.

– Слушай, мы сейчас собираемся уходить. Я вижу, вы парни хорошие, хотя сначала показались мне, по правде говоря, дебилами, – сказал отец Кристины и посмеялся. – Ну ладно, мы друг друга поняли. Поняли?

– Да-да, – кротко отвечал Гена.

Спустя полчаса квартира оказалась в полном нашем распоряжении. В миг сюда сбежалось как минимум по десять представителей обоих полов; алкоголь и наркотики естественно пришли вместе с ними.

Уже потом, в самый разгар праздника, под звуки всеобъемлющей вакхической песни, я падал вниз на ковёр, примерно так же как тянулся вверх – только вниз. Я упал и не решался встать; вокруг всё кружилось. Послышалось приближение ступней.

– Ты в порядке? – спросил Гена.

– Нет, – сказал я. – Как ты думаешь, мы правильно живём? – Я смотрел в потолок и задавался этим вопросом.

– Да правильно всё, ты чего? – сказал Гена и хлопнул меня по плечу.

– Представь такую ситуацию. Русского парня усыновили арабы, к тому же мусульмане. Позволь этой фантазии достигнуть головных долей мозга, осознать всю полноту. Представь

детство этого парня: как он ходит в мечеть с родителями, как он молится на коленях и возглашает «Аллах Акбар», как он читает Коран, как у него постепенно рождается ненависть к инаковерующим – христианам, язычникам, атеистам и прочим. Теперь представь его юность: вокруг такие же фанатики, кругом арабский диалект и мусульманские нравы, и всё молитвы, молитвы, чтение Корана и бесконечная ненависть к неверующим. Кем он станет? Русским ли он будет? Будет ли он видеть мир правильно? Что будет для него правильное? Что вообще значит: видеть мир правильно? Подумай и скажи мне.

– Не знаю, – сказал Гена и прилёг рядом со мной. – Тут нужно пораздумать.

– Я вот представил, что было бы, если я попал в такую семью.

– Ну, это ты уже начал загоняться, друг. Могло быть, что угодно. Да сейчас на нас может астероид упасть и расхреначить весь дом к чёртовой матери. Стоит задаваться вопросами, но не сходить с ума.

– Может ты прав. Всё-таки, что нас делает нами?

– Мы... – сказал Гена. – Только мы. Всё остальное – фигня.

– Но как же тот парень, о котором я тебе рассказал?

– Просто ему не повезло.

«Просто ему не повезло... и он стал не собой», – так я довёл до конца Генин ответ.

Мы лежали на полу посередине комнаты и смотрели в потолок. Уже не говорили друг с другом, и каждый задумался о своём. Вокруг происходил праздник: громкая музыка, полный дом далеко нетрезвых людей и наш диалог с Геной, – этим мне запомнился тот Новый Год...

Пока мы лежали с Геной на полу, к нам подошёл парень (пусть будет Слава – не помню как его звали). Этот парень совсем недавно демобилизовался из армии и чувствовал себя не как не меньше чем бог среди людей. Слава подошёл к Гене и пнул его в бочину со словами «Эй ты! запах, вставай, давай!» – и всё это с хорошим хмельным акцентом.

Гена, ничего не ответив, схватил его за ногу и повалил наземь. Слава начал кричать, что-то типа: «Ты кто такой?! Кто такой, чтобы служивому перечить?». В общем, завязалась драка. Я стоял и смотрел, даже не думая их разнимать: во-первых, я верил в Гену, тем более он был крупнее этого Славы; во-вторых, Слава был виноват и должен был получить по заслугам; в-третьих, мне было по-человечески интересно. Никто не видел и не слышал драки. Сначала они бились на равных и сил у обоих было достаточно, чтобы убить друг друга; у Славы ручьём шла кровь из разбитой брови; а я получал сильнейшее удовольствие, которое по-сути было неуместным, однако настоящим.

Кульминация событий. Началось самое интересное, от чего у меня захватило дух и перехватило дыхание: Гена сидел на Славе и долбил (как молотками) его лицо; Слава видимо отключился, или просто не сопротивлялся. Гена бы его убил, вполне определённо и я бы вполне осознано не пресёк это убийство – что самое интересное, когда я вспоминаю те времена сейчас. Слава не был убит, потому что драку заметила Кристина и будто сумасшедшая скинула Гену со Славы. Она всё испортила тем, что спасла жизнь Славе, – как это звучит? Так я тогда думал.

7

Я задумался о человеческих ценностях. Каковы они? И могут ли быть правильные или неправильные ценности? Та моя фраза на полу, в пьяном бреде: «что вообще значит: “видеть мир правильно”?» – серьёзно вошла в моё длинное осмысление. Я понял одно: общественные ценности не создаются обществом, а преподносятся обществу так, что любое им несоответствие считается ненормальностью. Это тенденция, вполне определённо. И пусть этому присваивают ярлык «общественная договорённость», на деле это абсолютный, проникающий в самую пучину бессознательного, аппарат получения чего-либо необходимого от безликой толпы. Общественные ценности очень редко имеют морально-нравственное значение для человека – их придерживается большинство, но их почему-то необходимо придерживаться всем. Просто

либо ты принимаешь ценности – то ты свой парень среди других сторонников этой моды ценностей, либо отрекаешься от них, и тебя пожирают с дерьмом. Эта дилемма ставит под сомнения такие явления как демократия и свобода выбора.

Исключение из общепринятых общественных ценностей могут быть только общечеловеческие ценности, играющие роль в глобальном осмыслении мира человеком.

Выходит, что проще примкнуть к тенденциозным ценностям, чем иметь понимание собственных. Выбор человека от моды общественных ценностей к созерцанию собственных ценностей лавирует от того насколько человек интеллектуально развит и способен к здоровой критике, а также насколько человек самокритичен. Этот выбор будет скорее подсознательным. Именно здесь критерием выбора будет являться интеллект и способность его применять. Несомненно, что без критики подобие происходит на автомате – что может произойти вне зависимости от интеллекта человека. Недалёкие люди не будут противостоять интеллектуально развитым, нет, они будут составлять общество – жить плечо к плечу. Такова правда общества, к которому я и не испытываю особой симпатии.

Иногда, происходит так, что люди, которые являются недалёкими, стараются показаться обществу абсолютно противоположными. Здесь имеет смысл сказать о восприятии их мира: они видят мир настолько ограниченным, насколько они сами ограничены. И оттого все проблемы с такими людьми. Эгоцентрическое понимание мира таких людей характерно для детей восьми лет. Это плохо для всех, но, в первую очередь, для них.

Если тенденция – стремиться к тому, чтобы казаться развитым, во всех смыслах, а никак не являться таким, то в этом вина общества. Полноценная вина всего общества. Человек всегда зависит от общества, если он живёт в нём. В этом проблема, которую не видно за толстым слоем безразличия. Именно безразличие даёт полноценную власть невежеству.

Безразличие кругом и всюду. Я от него тоже бежал когда-то и это опять же моя слишком наивная ошибка. Безразличие – элемент социальных ценностей, и я считаю это действительно верным, без сарказма. Безразличие защищает человека от раздражителя тем, что разрешает ему просто не обращать на него внимание, по крайней мере, внешне не показывать этого. Я и сам безразличен ко многому и недоверчив. Я считаю, что это достойно общества. Нет смысла верить в человека. Каков смысл верить в абсолютно нестабильное существо? Не верить даже проще, ибо зависишь только от самого себя и не создаёшь напрасных надежд. Это натолкнуло меня на ассоциативный момент в истории моей жизни.

Как-то раз сидели мы с Геной и вели душевный разговор. Был вечер, и мы обычно выпивали. Помню, Гена сказал:

– Как тебе Кристина?

– Я чувствую, что она мне нравится, она классно целуется, вкусно пахнет. Меня возбуждает её голос – он такой, понимаешь, приятный, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.